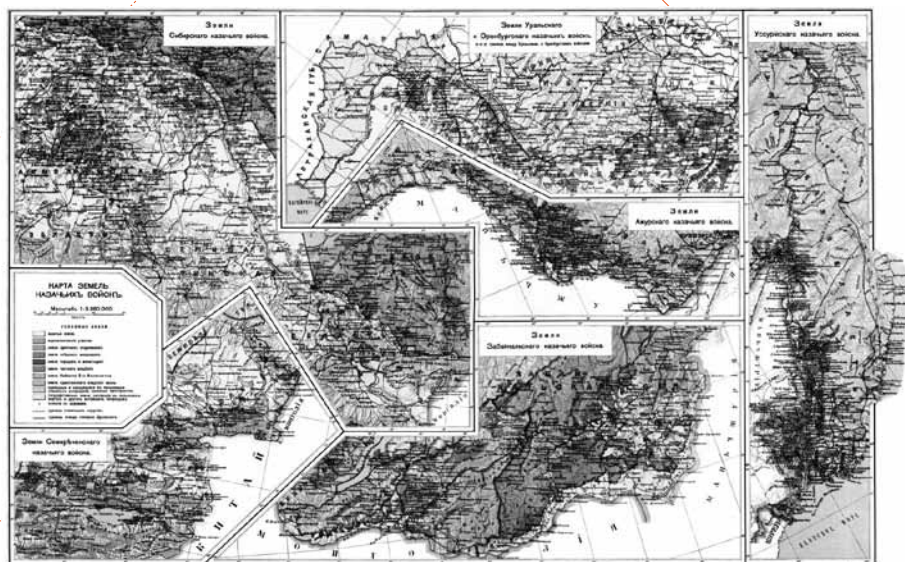

НА ФРОНТИРАХ ИМПЕРИИ

Карта земель казачьих войск. Из Атласа Азиатской России, 1914 г. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия

Статья подготовлена в рамках проекта «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX — начало XXI века». Проект реализуется на базе научно-образовательного центра Межрегионального института общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ) в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук» и программы институционального развития НОЦ МИОН при ИГУ. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 02.740.11.0347

КАЗАЧЕСТВО В
КОЛОНИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ КОНЦА
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А.В. Ремнев,
Н.Г. Суворова

Омский
государственный
университет им.
Ф.М. Достоевского

Казаки были издавна включены в процесс русского продвижения на восток и закрепления окраин за Россией. Административно-правовая обособленность, а также особая ментальность превратила казаков не просто в особую группу сибирского населения, но создала предпосылки для культурной консолидации и идентификации, которую иногда определяют как специфический русский субэтнос. Современный процесс возрождения казачества неизбежно обращает нас к историческим дискуссиям, в которых уже со второй половины XIX столетия был поставлен вопрос о роли казаков за Уралом и последующего их «расказачивания», пик которого пришелся на первые годы советской эпохи. В Российской Федерации и в новых независимых государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве, особенно в Казахстане, «казачий вопрос» приобрел политическую и социокультурную актуальность. Это, главным образом, связано с формированием новых или «возрождением» старых идентичностей, организационных структур и культурной автономии, одинаково требовательно взыскующих исторических воспоминаний, в которых героическое переплетено с трагическим, требования «исторической справедливости» с призывами к «возмездию» или «покаянию».¹

Заметно подрастеряв к концу XIX в. былую вольницу, казаки были, по сути, превращены в военных поселян, размещенных на азиатских окраинах империи. Государство сохранило их особый сословный статус, наделило их огромными массивами земель. Был еще один немаловажный аспект, связанный с включенностью ка-

This paper is focused on the history of Cossack colonization of Russia. The authors of the paper describe the process of this colonization examining the peculiarities of adaptation of the Cossack population to the new regions of their settlement: Siberia and the steppe and revealing the reasons of displeasure of the Russian government with the assimilation effects of the Cossacks

¹ См. напр.: Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М., 2007. С. 217–260

зачества в исторический сценарий власти, связанный с традицией назначения высочайшим атаманом казачьих войск наследника престола. Однако империя так и не нашла средств заменить казаков регулярной армией и полицией, что потребовало бы радикальных перемен в военной организации азиатских окраин и затронуло целый спектр социально-экономических проблем. Сохранялась неуверенность и в политической стабильности окраин и государственных границ, а постоянно проживавшие здесь казаки были более мотивированы в поддержке как внешнеполитических, так и внутривластных действий империи.

Между тем, неудачная Крымская война, последующие военные реформы и расширение азиатских границ на востоке и юге заставили по-новому взглянуть на казачество, которое как эффективная военная сила некоторыми аналитиками была поставлена под сомнение. «С пятидесятих годов настоящего столетия, особенно после Крымской кампании, — констатировал историк уральского казачества Ф.М. Стариков, — сложилось о казачестве мнение, будто оно утратило все свои прежние боевые качества, а потому на него стали смотреть как [на] войско отсталое...».¹ Иррегулярная казачья конница в условиях современных европейских войн выглядела анахронизмом, заметно уступала по своим боевым качествам регулярной кавалерии. Особые нарекания вызывал низкий уровень подготовки казачьих офицеров, трудности перехода казаков на новые виды вооружения, организации боевой подготовки и повышения общего уровня образованности. Хронический финансовый дефицит казачьих войск и рост государственных затрат на их содержание подрывали идею их самообеспечения и дешевизны. Введение всеобщей воинской повинности могло бы дать больше солдат, а казачьи налоговые привилегии в обмен на службу не выглядели для казны уже столь привлекательными. Освобождение крепостных крестьян актуализировало восприятие казаков как военных поселан, доведенных «до состояния военно-крепостных».²

Корень зла такого положения казаков виделся в чрезмерном администрировании и изолированности войскового населения, преодоление же негативных явлений представлялось в развитии казачества в «гражданском отношении», унификации системы управления и суда, упорядочении земельных прав казачьих войск. Активное включение в первой половине XIX в. в состав казачьих войск в Азиатской России крестьян и даже инородцев также не способствовало консолидации казачества, поддержания должного уровня их боеспособности и хозяйственной эффективности. Был взят курс на свертывание практики формирования особых казачьих частей из нерусских народов. Это привело к ликвидации калмыцких и башкирских казачьих воинских формирований, хотя в Забайкалье сохранили казаков-бурят.³

¹ Стариков Ф.М.
Откуда взялись казаки
(исторический очерк).
СПб., 1884. С. 307

² Абрамовский А.П.,
Кобзов В.С. *Оренбургское*
казачье войско в трех веках.
Челябинск, 1999. С. 140

³ *История казачества*
Азиатской России.
Екатеринбург, 1995.
Т. 2. С. 15–17

Всеобщая воинская повинность, которая в перспективе предполагала включение не только крестьян, но и инородцев как граждан империи в ряды армии, давала альтернативу казачьим формированиям, нужда в которых с продвижением границ к югу и востоку Азии снижалась. Длительные командировки на дальние расстояния для военных операций, охраны границ и коммуникаций, полицейской службы не только надолго отрывали казаков от их домов и хозяйства, но и подрывали саму идею организации местного войска, которое бы защищало не только государственные рубежи, но и собственные станицы. Все более частыми, а значит хозяйственно трудными, для казаков были военные экспедиции на новые границы империи: за Амур, в Маньчжурию и Монголию, Урянхайский край, а с 1913 г. даже в Иран. Щедрое наделение казаков за службу землей вызывало уже во второй четверти XIX в. сомнение: а не будет ли это препятствовать решению других правительственных задач и не целесообразнее ли переместить казаков на новые территории, поближе к государственным границам?¹ Переселение на новую границу с Китаем, хотя и признавалось выгодным с военно-политической точки зрения, наталкивалось на нежелание казаков оставить обжитые места.² Попытки переместить казачьи станицы на территорию нового пограничья имели ограниченный успех. За исключением Семиречья, в туркестанских областях власти практически не использовали казачью военно-хозяйственную колонизацию.

Мир своих и чужих: движение фронта

¹ Краснов Н. *Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России* // *Военный сборник*. 1878. № 1. С. 68

² РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 1. Д. 125. Л. 117–118

Иррегулярная казачья конница в условиях современных европейских войн выглядела анахронизмом, заметно уступала по своим боевым качествам регулярной кавалерии

Если в Сибири роль казаков признавалась сыгранной, и их можно было, как казалось, без труда перевести в крестьянское сословие или сохранить в качестве небольших по численности вспомогательных полицейских сил в северных районах, то в степных и дальневосточных областях будущее казачества выглядело далеко неоднозначным. Дискуссия о будущем казачества развернулась в 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии, которая пришла к заключению, что казачья колонизация внутри степи «отжила свой век», а казаков лучше передвинуть на новые границы империи, «чтобы их станицы разъединили казахов, живущих по обе стороны российско-китайской границы». А для водворения

*Империя не была готова полностью
отказаться от услуг казаков как
воинов и земледельцев на Дальнем
Востоке, где их заменить, особенно на
первых порах, было просто некем*

русского населения в крае лучше использовать свободную земледельческую и промышленную колонизацию.¹ Особенно остро этот вопрос стоял в отношении Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, которые оказались уже далеко от имперских границ, а Казахская степь, казалось, имела шансы превратиться во «внутреннюю» окраину. В Омске уже предлагали сократить численность казачьего войска, упразднить Сибирскую казачью линию. Оренбургская пограничная линия считалась также утраченной свое военное значение, а генерал-губернатор А.П. Безак высказался за ликвидацию Уральского и Оренбургского казачьего войск, хотя это и было признано преждевременным.² Военные действия в Туркестане и события, развернувшиеся в самой казахской степи, как реакция казахов на реформы 1868 г., особенно в западной ее части, заставили скорректировать взгляд на казахов как совершенно смирившихся со своей участью. Но и тогда было отмечено, что в восточной части степи преобразования не вызвали открытого недовольства и были минимизированы из-за размещения казачьих поселений внутри самой степи. Для казаков такие действия казахов были уже «в диковинку», а с покорением в 1873 г. Хивы, «этого притона всех непокорных киргизов», в степи, казалось, водворилось полное спокойствие.³

Еще в большей степени, чем в степных областях, империя не была готова полностью отказаться от услуг казаков как воинов и земледельцев на Дальнем Востоке, где их заменить, особенно на первых порах, было просто некем. Крестьянская колонизация здесь шла крайне медленно, а содержать регулярные войска из-за отсутствия хозяйственной инфраструктуры и развитых коммуникаций оказывалось чрезмерно дорого. Работавшая в Забайкалье в 1901–1903 гг. правительственная комиссия, возглавляемая А.Н. Куломзиним, пришла к выводу, что «так называемая казачья колонизация» не может ни по каким основаниям именоваться колонизацией, ибо она находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами — плотно заселить пустующие земли и обратить их в культурное состояние.⁴ Казачьи поселения на Амуре отличались от других окраин еще более строгой регла-

¹ РГВИА. Ф. 400.
Оп. 1. Д. 120. Л. 61

² Махрова Т.К.
Казачество Урала и власть.
М., 2004. С. 75

³ Костенко Ю. Уральское
казачье войско.
Исторический очерк
и система отбывания
воинской повинности // Военный сборник.
1878. № 10. С. 308

⁴ Извлечение из журналов
образованной в Хабаровске
в 1909 г. комиссии по
колонизационному
делу // АВПРИ (Архив
внешней политики
Российской империи). Ф.
Тихоокеанский стол. Оп.
487. Д. 762. Л. 472

ментацией, что отрицательно отразилось на их экономической эффективности. Принудительное расселение казаков, сопровождаемое казенным попечительством, как подчеркивали критики казачьей колонизации, создало население апатичное, привыкшее к опеке. По большей своей части и, особенно в первые годы после заселения новых земель, казачество влачило жалкое существование, и было, как отмечал Н.М. Пржевальский, деморализовано, испытывая открытую неприязнь к новому краю.¹

На рубеже XIX–XX вв. вопрос о продолжении казачьей колонизации Дальнего Востока поднимается в связи с так называемой «желтой опасностью». Местные власти решительно требовали усилить русский казачий элемент в Приамурском крае. Понимая экономическую нереальность замены казаков регулярными войсками, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской настоял на дополнительном отводе казакам огромного массива новых земель. Как и в случае казачьей «десятиверстной полосы» на Иртыше, 100-десятинный «отвод Духовского» охватил наиболее плодородные и удобные земли, где крестьянам запрещалось селиться. Переселение казаков имело ограниченный успех, как в земледельческом, так и в военном отношении, их явно было недостаточно для надежной обороны края, но они владели большими земельными наделами, которые предпочитали сдавать в аренду китайцам и корейцам, что противоречило политической задаче «обрусения» и демографического закрепления Приамурья за Россией. Несмотря на абсолютный рост численности казаков в Приамурском крае, приток сюда крестьян прогрессивно нарастал, и с начала XX в. именно они стали определять облик дальневосточной окраины. В столыпинском аграрном курсе казаки явно отошли на второй план, а их права на земли, как считалось, только тормозят массовое крестьянское переселение.² Казалось, что казачья эпоха в истории Дальнего Востока завершилась, и теперь необходим переход к созданию в регионе демографической базы для формирования регулярной армии.

Какого-то внятного правительственного курса до конца имперского периода в отношении казачества так и не было выработано, хотя критика в адрес казаков как земледельцев и русских культуртрегеров нарастала. Власти постарались регламентировать казачье землевладение, провести размежевание земель между казаками и туземным населением, особенно в Забайкалье и степных казахских областях. Ситуация осложнялась нарастающим притоком сюда крестьян-переселенцев, которых могли привлекать и казачьи наделы плодородной земли. Критическое отношение к казачьей колонизации нарастало по мере ослабления непосредственной военной угрозы отторжения приграничных территорий. Казачье землевладение было признано менее эффективным сред-

¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: 1947. С. 226–227

² Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 151; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 21

На фронтах
Империи

ством колонизации, в сравнении с более массовым крестьянским заселением окраин. Как более состоятельная категория колонизаторов, включенных на раннем этапе освоения русскими азиатских территорий, казаки имели возможность и предпочитали не земледельческую деятельность, а торгово-предпринимательскую, ремесленную, а в степной зоне — скотоводство. В адрес казаков посыпались обвинения: «Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда, и при всем этом они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы — грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств».¹

Действительно, казаки как русские переселенцы были мало знакомы с условиями хозяйствования на азиатских окраинах и даже оказывались нередко «ниже туземцев и попали к ним до некоторой степени в науку». Как и аборигены, они предпочли заняться пушным промыслом, рыболовством и скотоводством, а наиболее доходной на первых порах считалась торговля, которая фактически граничила с откровенным грабежом местного населения. Земледелие не получило успешного развития у казаков, а казенный паек «обеспечивал первые потребности жизни на первых порах, но, в то же время, будучи, так сказать, даровым и обязательным, исключал настойчивость и энергию в труде, поддерживая этим отрицательные стороны характера».² Даже те, кто не отрицал значения казаков как колонистов, признавали их низкую эффективность как земледельцев. Так, И.Ф. Бабков признавал, что до работ Степной комиссии заселение степи шло бессистемно и имело искусственный характер, а обеспеченные на первое время казенными средствами, имея возможность получать доходы от торговли или от скотоводства, казаки мало заботились о земледелии, фактически отказались использовать орошение.³ В Прииртышской степи преобладал тип казака, который, как описывал уроженец этих мест Г.Н. Потанин, — «ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов».⁴ Сибирские казаки были не богаче многих крестьян, а в Забайкалье казаки хотя и были зажиточнее, но почти не занимались земледелием. Забайкальские казаки, по примеру окружавших их бурят, сделали скотоводство главным ис-

¹ Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 170

² Леднев Н.З. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. С. 174–175

³ Бабков И.Ф. Общий взгляд на устройство русских поселений в северо-восточной части Киргизской степи // Известия ИРГО. 1869. С. 36–37

⁴ Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Алматы, 2006. Т. VII. С. 306

точником своих доходов.¹ По Амуру и Уссуре немногочисленные казаки должны были контролировать огромную пограничную территорию протяженностью более 2 тыс. верст, что не могло не отразиться неблагоприятно на их хозяйстве, и их станицы не производили впечатления «зажиточности и домовитости обитателей», земля использовалась хищнически, скот был малопродуктивен. Казаки на Уссуре имели хорошие земли, но их хозяйства были хуже крестьянских, которые не только потратились на переселение, но уже успели обустроиться на новых местах.²

Главным объяснением бедности многих казаков, которое выдвигалось их защитниками, заключалось в указаниях на трудности военной службы, отрывавшей казаков от хозяйства, а также неудачное размещение казачьих станиц, что было обусловлено задачами охраны границ и транспортной инфраструктуры, а не хозяйственной целесообразностью. Вхождение в состав «природного» казачества бывших крестьян, инородцев и даже ссыльных, также включалось в перечень недугов казачьего общества. «Прежняя постоянная военная служба на постоянном содержании от правительства, по признанию казачьего офицера и казачьего историка

¹ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 163–164

² Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 5. С. 111–113

**Казаки как русские первопоселенцы были
мало знакомы с условиями хозяйствования
на азиатских окраинах и даже оказывались
нередко «ниже туземцев и попали к
ним до некоторой степени в науку»**

Ф. Усова, приучила сибирских казаков к беззаботности об удовлетворении своих жизненных потребностей собственными силами, а экспедиции в степь, дававшие им случай к безнаказанным добычам от киргизского населения, развили у них непривычку к систематическому хозяйственному труду, склонность к легкой наживе и праздность».³ Но и тогда, когда казаки занимались земледелием, оно оставалось примитивным с точки зрения современной агрикультуры. Почти все наблюдатели отмечали, что казаки используют землю экстенсивно, часть занятий казаков лежит вне сферы земледелия (скотоводство, рыболовство, охота, садоводство, лесной промысел, пчеловодство). Впрочем, пчеловодство у казаков Алтая считалось хуже, чем у крестьян. «О всех отраслях казачьего хозяйства можно сказать, что они ведутся по преданию, без всяких научных знаний. Иные земледельцы боятся улучшений в хозяйстве, как страшной ереси: “так наши отцы пахали, и мы также будем пахать...”». Возможность распахать юртовые новые земли

³ Там же. № 4. С. 264

или арендовать баснословно дешево киргизские ведет к тому, что казаки мало заботятся о восстановлении плодородия выпаванных ими земель».¹

¹ *Заметки о хозяйстве казаков Акмолинской области // Степной край. 1895. – 22 июня*

Научные эксперты, среди которых оказалось немало людей с народническими идеалами, оказывались в этом споре явно не на стороне казаков: «Крестьянская колонизация степи принесла уже ту культурную пользу, что разобщила киргиза-номада от казака, влиявшего на него крайне деморализующим образом и познакомила его с более симпатичным оседлым населением и оседлой жизнью и самая главная польза колонизации степи не казаками с стратегическими целями, а крестьянами».² В 1903 г. Омский сельскохозяйственный комитет констатировал «факт полной запущенности казачьего хозяйства при изобилии годных под культуру земель». Одна из комиссий по казачьему вопросу подчеркивала, что «киргизы приносят большой вред казачеству, приучая станичников своим даровым трудом к лени». Но, несмотря на использование дешевой рабочей силы, у казаков обрабатывалось лишь 5% земли, находящейся в пользовании.

² *Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Омск. 1895. Кн. 18. Вып. 1. С. 59*

В 1908 г. представитель Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Г.Ф. Чиркин, посетив Семиречье, открыто высказался за преимущественное поощрение крестьянской колонизации: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей...».³ Считалось, что крестьянское переселение при тех же земельных ресурсах даст в 4–5 раз больше жителей, чем казачье население. Казачья колонизация, рассчитанная на чрезмерно высокую обеспеченность земельными наделами, по мнению ГУЗиЗ, не способна выполнить ни военную, ни экономическую задачу, а крестьяне более предпочтительны с хозяйственной точки зрения, так как они, в отличие от казаков, связанных войсковыми традициями, скорее создадут в крае частную собственность на землю.⁴

³ *Чиркин Г.Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. б/г. С. 103*

⁴ *Записка ГУЗиЗ «Об использовании для целей крестьянской колонизации земель, отведенных бывшим приамурским генерал-губернатором Духовским Амурскому и Уссурийским войскам» (7 янв. 1910 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 328–337*

**«Крестьянин, несомненно, более
положительный тип, а как экономическая
сила и более сильный и желательный
элемент в замиренном крае, нежели казак»**

Между тем, форсированная колонизационная политика в степные области была чревата опасными политическими последствиями с новыми линиями социального и этнического напряжения, когда деятельность Переселенческого управления породила антагонизм между крестьянами-переселенцами, с одной стороны, и казаками и казахами, с другой. Защитники казачества справед-

ливо указывали, что не казаки, а именно крестьяне-переселенцы начали масштабное наступление на казахские кочевья. Латентное недовольство выплеснулось в годы гражданской войны, породив ситуацию, которую трудно вписать в привычные рамки классового и даже национального конфликта.

В развернувшейся полемике казаки на азиатских окраинах были поставлены под сомнение не только как военная сила, но и в качестве земледельцев. Утверждалось, что казаки землю почти не обрабатывают, предпочитая сдавать в аренду, ведут праздную жизнь.¹ Вид казачьих станиц «невзрачен», улицы «неправильные», — подтверждали этнографы, придавая такому взгляду значение научного факта, — «небрежность» в постройке жилья, просматривается явная «недомовитость» казаков, отсутствие у них забот о «внешнем порядке». Из таких оценок, делался, как правило, вывод: «Крестьянин, несомненно, более положительный тип, а как экономическая сила и более сильный и желательный элемент в замиренном крае, нежели казак...».² «Существенная черта казака — нахрап, наскок, взять с боем. Отличительное свойство мужика — столь же энергичное, но пассивное сопротивление до последней крайности, стремление сесть на место тишком, да и прирасти к нему так, что даже казак не стащит, несмотря ни на какие нахрапы».³ Авторитетный российский востоковед В. В. Бартольд подтверждал, что крестьянская колонизация в этом отношении имела большее воздействие на кочевников, нежели казачья.⁴

Даже в официальных документах казаков оценивали как плохих хлебопашцев, чуждающихся земледельческого труда.⁵ «Казак, перенявши от киргиза много из одежды, пищи, привычек, до того обленился, что не только земледелием заняться не в силах, но не нарубит дров для варки пищи, а наймет для этого киргиза...».⁶ Считалось, что казаки хищнически истребляют лес, живут за счет сдачи земли в аренду. «Сопоставляя между собою два населения оседлое и кочевое, не трудно придти к заключению, что оседлые жители — казаки, ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным степень урожая на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов, как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков, кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться. Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит не мало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае

¹ 1895 г. декабря 30. — Отчет Семиреченского губернатора о населении, включая казачество, и хозяйственной деятельности в Семиреченской области // Казачьи войска Азиатской России в XVIII — начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). М., 2000. С. 273–274

² Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 198

³ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 45

⁴ Бартольд В.В. История культуры Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 332

⁵ Об устойчивости такого взгляда уже в 1870-х гг. на колониционный потенциал казаков в степных областях подробнее см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47–74

⁶ Записка об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левецкого) // ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 56

На фронтирах Империи

¹ Записка об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левецкого) // ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 57–58

² Казачьи войска Азиатской России. С. 273

³ Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994, С. 32–39

⁴ Тема эта особенно чувствительна в современном национальном нарративе и обращает повышенное внимание, например, казахстанских историков. См.: Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость. (Из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начала XX вв.). Астана, 2000

⁵ Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края. С. 188

⁶ Хорошкин М. Забайкалье (Очерк) // Военный сборник. 1893. № 9. С. 148

наклонности казаков к лености и беспечности, в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особым местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать, чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах <...> совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительства, и вполне было бы изолировано от этого оседлого населения. Всякое сообщничество с этим сословием может принести один лишь только вред степному киргизу, который в умственном отношении ничего не приобретет от казака, а в нравственном, быть может, даже и потеряет».¹ Даже в Военном министерстве появились критики казаков как колонизаторов. А.Н. Куропаткин, хорошо знавший порядки, царившие на азиатских окраинах, подвел в 1910 г. неутешительный итог: «Первыми русскими пионерами в Семиречье были сибирские казаки, которые вместе с массой положительных качеств, присущих сибирякам, принесли также презрение к туземцу, на землю которого садились, взгляд на лес как на врага земледелия, и хищнический способ эксплуатации почвы, т.е. залежную систему землепользования».²

Роль завоевателей, полицейская служба, причастность к злоупотреблениям местной администрации также не способствовали формированию положительного образа казака как представителя русского народа.³ Существует много свидетельств того, что казаки относились к инородцам с чувством превосходства, или того, что они становились их угнетателями и эксплуататорами.⁴ Если для народов Сибири объектом социальной критики становились русские торговцы, промышленники и кулаки, то в степи считалось, что тлетворное влияние на инородцев исходит главным образом от казаков. «Он смотрит на себя прежде всего как на “слугу царского”, — описывал казаков в научно-популярном издании А.Н. Седельников, — гордится своим привилегированным положением, держит себя свысока в отношениях с крестьянином, которого унижительно именуется “мужиком”, а к казаку относится вообще презрительно, называет “собакой”, обмануть или обругать которого — обычное явление».⁵

Несмотря на усвоение многих бытовых черт и хорошее знание языка, казак сохранял чувство своего превосходства над инородцем. Публицисты и ученые не могли игнорировать факты, когда казаки относились к бурятам, как к низшему племени,⁶ на китайцев могли устроить охоту, а казахов безнаказанно ограбить и даже убить, заявляя, что в этом нет особого греха, так как у инородца души нет, а только — «пар». С некоторым цинизмом казаки рассуждали: «Киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить; а у мужика на то и руки сделаны как крюки, чтоб за сохой ходить; мужик берет горбом, а казак умом, да казачьей сметкой. Нашего бра-

та бьют на службе, когда на мужика похож».¹ Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. Для последних же наем на работу к казакам мог стать способом выживания и признавался наименьшим злом. Г.Е. Катанаев даже с некоторой симпатией писал, что в хозяйственном отношении и своем быту казак сам «полу-киргиз» и потому более привычен казаху, чем крестьянин или мещанин, еще «не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга». «Укоренившееся дурное мнение о нравственности казаков, — писал бывший казачий офицер, в последствии видный ученый и политик Г.Н. Потанин, — может быть, также имеет справедливое основание, но и его следует извинить. Весьма интересны отношения казаков к киргизам, в которых они не признают прав ни личности, ни собственности, пользуясь перед ним правом сильного с полным и искренним простодушием. Кража баранов из киргизских аулов во время пикетной жизни не считается у казаков преступлением. Это обыкновение они переняли у самих киргизов, и оно свидетельствует о молодечестве как у тех, так и у других».² По его словам, в этих делах казаки нередко действовали совместно с казахами, что считалось теми и другими особым удалством.

Казаки, действительно, чувствовали себя хозяевами в степи и готовы были не только продолжить захваты земель кочевников, но и ревниво отнестись к появлению новых земельных конкурентов — крестьян-переселенцев. Появление переселенцев, с их жадной земли, угрожало не только казахскому кочевому землепользованию, но и казачьему привилегированному землевладению. Не случайно, казаки и казахи в своем негативном отношении к кре-

¹ Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСО ИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 22

² История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. С. 331

***Казаки чувствовали себя хозяевами в степи
и готовы были не только продолжить
захваты земель кочевников, но и ревниво
отнестись к появлению новых земельных
конкурентов — крестьян-переселенцев***

стьянской колонизации ощутили взаимный интерес, что особенно проявилось в годы Гражданской войны. Все это запутывало и без того непростую систему социально-экономических и правовых отношений, приводило к росту напряженности в районах, которые уже представлялись имперским властям «замиренными».

Не могла не беспокоить и сложность отношений, которые складывались между казаками и крестьянами-переселенцами. Признавая социальную близость и русскую национальную общность с

ними, казаки демонстративно выделяли себя из крестьянской массы, а экономическая напряженность в землепользовании грозила перерасти в острый социальный конфликт. Наплыв крестьян-переселенцев вызывал тревогу у казаков не только покушениями на их земельные владения, но был вызван стремлением оградить казачью культурную самобытность. Слышались обвинения, что «голодные и подчас обнаглевшие иногородцы» живут за счет казаков, хищнически относятся к землям и угодьям на казачьей войсковой территории, куда их неосторожно впустили когда-то из милости. Они отбирают у казаков «кусоч хлеба», захватывают пастбища, безнаказанно ловят рыбу в казачьих озерах, выбивают дичь в войсковых лесах, при этом «сотой доли не несут той тяготы, что несет казак».¹

¹ Уралец. Почему обеднели казаки // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., [1911]. С. 211–212

Помимо всего, казаки попали под подозрение и в сохранении ими «русскости», утверждения положительного русского имиджа среди туземного населения. На севере и северо-востоке Азии казаки, как отмечалось почти всеми, кто побывал там, утратили былой воинский дух, халатно относились к своей службе, некоторые из них даже не говорили по-русски, совершенно слившись с местным населением. Не случайно именно казаки-первопроходцы и их потомки первыми попали в поле зрения разного рода наблюдателей, поднявших тревожный вопрос об «объинородничаньи» русских на азиатских окраинах.² Особенно бедственным рисовалось положение казаков в Охотско-Камчатском крае и на берегах Лены. За якутскими казаками устойчиво закрепилось название «забытых».³

² Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Объинородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199–227

**Наплыв крестьян-переселенцев вызывал
тревогу у казаков не только покушениями
на их земельные владения, но был вызван
стремлением оградить казачью
культурную самобытность**

³ А.Б. Забытый полк // Сибирь. 1897. 16 февр.

Показательно, что забайкальские старообрядцы («семейские»), ревниво оберегавшие не только старую веру, но и русские традиции, к сибирякам себя не причисляли, считая последних людьми без корней и ленивыми, хуже которых были только «обурятавшие казаки». И хотя тревога носила явно преувеличенный характер, была заметной лишь в «маргинальных» группах русского старожильского населения вдали от основных массивов их расселения, подобная «химерическая этнография» не только привлекала общественное внимание, но оказалась востребована в правительственных кругах.

Именно утрата чистоты русского языка, а также некоторый религиозный индифферентизм казаков вызывали наибольшие опасения. Но главным индикатором, внушавшим серьезные опасения, был язык. Почти все сибирские казаки употребляли в разговоре с казаками и даже между собой едва ли не охотнее казахский, нежели русский, заменили многие русские названия предметов казахскими, переняли некоторые бытовые казахские обычаи.¹ Пугающим казалось то, что даже между собой казаки начинали говорить на местных языках, а их дети с трудом усваивали русскую речь. Впрочем, на вопрос Г.Е. Катанаева, зачем казак носит казахский бешмет, кумыс пьет и говорит «по-киргизски»? — ему один из казаков объяснил: «По-киргизски, ваше выс-б-дие, нельзя нам не говорить, потому с киргизским языком можно всю степь изойти; а киргиза когда дождешься как начнет он по-русски говорить; худо учится, русский язык не киргизский — мудреный язык, ему скоро не выучишься... А что бешмет мы любим, да кумысом не брезгаем, так мы так полагаем, что в этом худого ничего нет; если бешмет удобен, отчего не носить, а кумыс вкусен, почему его не пить; кумыс и господа офицеры кушают...».²

Подобные наблюдения оценки могли транслироваться в целом на казаков восточных окраин. Так, Н.М. Пржевальский, подкрепляя свой вывод авторитетом ученого, сделал общее заключение: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников».³ Своего рода этнографическим символом «объинородничанья» казака стал халат. В.В. Радлов в 1862 г. отметил в своем дневнике как весьма распространенное явление, что казаки в казахской степи не только носят дома халаты, но и могут явиться в нем и на службу.⁴ У забайкальских и дальневосточных казаков широкое распространение получила меховая одежда, напоминая одежду аборигенного населения.⁵ Уральские же казаки всерьез обсуждали вопрос о введении особой военной формы для степных казачьих войск, наподобие того, как это было сделано на Кавказе.⁶ Отмечалось также, что повседневной одеждой казака считается бешмет или халат «киргизского покроя». «Русский сарафан и кокошник неизвестны коренным казачкам».

«В пище казак часто употребляет баранину, а вот традиционные русские каши редки. Не отличаются казаки и набожностью, редко посещают церковную службу, хотя обряды исполняют исправно, на судьбу не ропщут, но, в отличие от крестьян, не ищут утешения в молитве. Даже физиономия нашего казака выродилась и всего чаще напоминает облик своего соседа — инородца», а лень ка-

¹ Краснов Н. *Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России* // Военный сборник. 1878. № 4. С. 265–266

² Катанаев Г.Е. *Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа* // Записки ЗСО ИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 23

³ Пржевальский Н.М. *О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.)* // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299–300

⁴ Радлов В.В. *Из Сибири: Страницы из дневника.* М., 1989. С. 83

⁵ *История казачества Азиатской России.* Т. 2. С. 135

⁶ *Оренбургское казачье войско* // Военный сборник. 1874. № 6. С. 280

заков и многие другие отрицательные качества в их поведении и характере объявлялись следствием регрессивного воздействия туземцев.¹ Антропологический тип казака-старожила действительно имел своеобразные черты, однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом, из бурят. В Сибирском казачьем войске, где нерусских было немного, большинство наблюдателей все же отмечали «уклонения от русского типа к монгольскому».² Это стало следствием смешанных браков в начальный период жизни казаков в Сибири. В социальной и религиозной сферах процесс утраты русских и православных черт был менее заметен, чем в хозяйственных практиках, бытовых заимствованиях и лингвистическом словаре казаков. Широко бытовавшая практика межэтнических браков времен первоначального освоения Сибири автоматически переносилась на более поздние периоды, когда такие случаи при общем росте русского населения на азиатских окраинах становились редкостью.

В целом же, несмотря на бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались в рамках русской народной культуры, однако наблюдателями эта «инаковость» не могла не фиксироваться и подавалась нередко как цивилизационная угроза. Именно против такого стереотипа решительно протестовал один из самых авторитетных идеологов казачьего единства, а в конце XIX в. руководитель Экспедиции по исследованию степных областей Ф.А. Щербина: «Чужим был и киргиз для Сибирского казака, хотя в быту Сибирских казаков замечались черты, сходственные с чертами в быте киргизского населения, но скользившие, так сказать, по поверхности быта, касаясь частью одежды, а частью пищи. В глухих местах, в близком соприкосновении с киргизами, казака по одежде иногда нельзя было отличить от киргиза; казаки охотно ели конину, особенно жеребят, пили кумыс и пр. На это влияли одинаковые естественные условия края, способствовавшие широкому развитию скотоводства в его примитивных пастбищных формах, чем и объяснялось преобладание в пище животных веществ и сходство некоторых видов одежды, благодаря езде верхом и условиям степной жизни. Но наряду с этим соответствием этнографических черт, казачья идеология в области отправления обязанностей, характер казачьих порядков и управления, землепользование, отстаивание своих интересов на принципе казачьего права, идея общности казачьих войск и т.п., были также далеки от идеологии киргизов, как небо от земли».³ Он особо подчеркивал осознание сибирскими казаками духовного и сословного единства со всем казачеством.

В этом споре сами казаки, указывая на исторические заслуги, продолжали настаивать не только на своей военной функции, но и на более широко понимаемой русской цивилизационной миссии.

¹ Пржевальский Н.М. *О возможной войне с Китаем*. С. 299–300

² Краснов Н. *Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России* // Военный сборник. 1878. № 4. С. 265. См. также: Крих А.А. *Тюркский компонент в составе западносибирского казачества (первая половина XIX в.)* // *Азиатская Россия: люди и структуры империи*. Омск, 2005. С. 512–525

³ *Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества*. Париж, 1928. С. 349–350

В ответ были запущены обвинения, что казаки неэффективно используют землю, «не несут ни служебных, ни земских повинностей и от них единственная польза скотоводство; казаки же скотоводством снаряжают себя на службу и содержат себя на ней, следовательно, от их скотоводства двойная польза противу киргиз, которые избыток употребляют в частную, а казаки в государственную пользу».¹ Казачьи идеологи формулировали историческую задачу казаков на азиатских окраинах следующим образом: «Если бы даже слияние с центром у покоренных, неславянских областей произошло бы полное, долго еще эти области не проникнутся идеей государственности, в них всегда будет жить надежда отпадения, стремления центростремительные. Казачество, как окраинное русское население, всегда или долго еще будет играть роль цемента: теперь от него, помимо задач проведения государственных идей, нередко требуется применение мер чисто физического воздействия, позже, — и, дай Бог, чтобы это произошло поскорее, — за ним надолго сохранится роль русского, имперского культуртрегера в самом широком значении этого слова».²

У казачьей интеллигенции появляется понимание необходимости формирования «в казаках нравственной силы, пробуждения надлежащего духа и сознания собственного достоинства, состоящего в том, чтобы каждый казак понимал и знал себе настоящую цену».³ Таким образом «казачий вопрос» входил в сферу национальной и социальной политики. Не случайно среди сибирских областников оказалось несколько казачьих офицеров, а формирующаяся казачья интеллигенция готова была политически актуализировать

¹ 1845 г. июля 18. — Записка подполковника Уральского казачьего воска Акутина в Военную коллегию о спорных землях уральских казаков и Букеевского ханства // Казачьи войска Азиатской Росши... С. 152

² Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 345–346

³ Оренбургское казачье войско // Военный сборник. 1874. № 6. С. 277

В целом казаки оставались в рамках русской народной культуры, однако наблюдателями эта «инаковость» не могла не фиксироваться и подавалась нередко как цивилизационная угроза

«казачий вопрос». Именно из ее среды раздаются протесты против восприятия казачества как исторического реликта, пережитка «средневековья». События 1865 года, связанные с открытием заговора «сибирских сепаратистов», не случайно взволновали члена Степной комиссии А.К. Гейнса. Он с тревогой записал в своем дневнике: «...нельзя безусловно поручиться за то, чтобы с течением времени казаки не стали в руках господ, в роде Потаниных et Co, враждебны Правительству». Он также заключал: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую мож-

¹ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. С. 117

но ожидать *a priori*. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрусения в степи».¹

Оказавшись в Государственной думе, казаки сформировали свою особую депутатскую фракцию, начали издавать свои газеты и журналы, появились свои казачьи историки и литераторы. Наиболее активным, разумеется, были казаки Дона, Кубани и Терека, но и в Азиатской России казаки искали новые формы своей социокультурной консолидации. Однако «казачий вопрос» не стал угрозой для русской идентичности, замыкаясь, главным образом, в рамках экономических и культурных проблем. Вместе с тем казачья интеллигенция могла пропагандировать идеи казачьей словной и социокультурной консолидации, призывая сохранять казачьи традиции, в число которых неизменно включалось историческое служение России и «природная русскость». Актуализация героического прошлого казаков, собирание фольклора и этнография, появление собственных газет и журналов, музеев, общественных организаций как способа конструирования общности и казачьей идентичности могло восприниматься неоднозначно и вызывать подозрения в желании расколоть единство русской нации.

**Казаков не столько обвиняли в утрате
«русскости», сколько упрекали в культур-
трегерской слабости и недостаточном
«русском» влиянии на инородческое окружение**

Казачья вольность, преданность престолу и верность Православию переплетались в этом дискурсе, предлагая неоднозначные ответы на вызовы современности. При этом из казачьего дискурса не исключалась уникальная способность казаков контактировать с иными народами, приспособленность к жизни и службе на азиатских окраинах, декларируемая комплиментарность в отношении туземного населения. Оказавшись в численном меньшинстве среди инородцев, казаки, обремененные не только военными и хозяйственными задачами, но и административно-полицейскими, должны были преодолевать коммуникативные барьеры и активно изучать языки туземцев, не надеясь, что последние скоро овладеют русским языком. Вместе с тем, в ряду национальных и регио-

нальных фобий «казачий вопрос» на азиатских окраинах так и не перешел в политическую фазу, а казаков не столько обвиняли в утрате «русскости», сколько упрекали в культуртрегерской слабости и недостаточном «русском» влиянии на инородческое окружение. Лишь наиболее радикальные адепты казачьей самобытности («особого народа») могли утверждать (да и то уже под впечатлением революции и гражданской войны), что «казаки никогда себя не сознавали, не ощущали и не считали великороссами (русскими), — считали русскими, но исключительно в государственно-политическом смысле (как подданные Русского государства)».¹

Таким образом, если над казачеством еще не нависла реальная угроза, то задолго до революции стали вызревать подозрения в его экономической и социокультурной неэффективности, инициаторами которых были переселенческие чиновники и этнографы, среди которых на азиатских окраинах империи было немало политических ссыльных-народников. Народнический дискурс с его трепетным отношением к русскому крестьянину (особенно к бедствовавшему переселенцу) и угнетаемому инородцу, обреченному на «вымирание», захвативший широкие слои российской интеллигенции (не исключая и части чиновников) не мог не отразить сложного отношения к казакам, которые с трудом вписывались в представления о замученном царизмом народе. Сословная замкнутость казаков и территориальная «чресполосность» с крестьянскими и инородческими поселениями создавали дополнительные трудности для миграционной политики и проведения преобразований в управлении и судопроизводстве, что рассматривалось важной частью процесса модернизации. Военная колонизация, которая становилась препятствием свободному переселению, обрекала многие стратегически важные и экономически выгодные районы на пустыньность, как это было даже в плодородных степных районах Прииртышья и Приишимья. Даже на Дальнем Востоке казачья колонизация, предусматривавшая значительный отвод земель и закрепление их за казаками, выглядела препятствием для массовой русской миграции и демографического скрепления региона с центром страны.

Однако весь этот критический пафос оценок не означал полного отрицания исторических заслуг казаков и их военного значения в крае в настоящем и будущем. Речь пока шла лишь о смене колонизационных приоритетов в пользу крестьян. В конце концов, казачество сохранило как легкую кавалерию, так и пограничную стражу. Казаки оказались нужны как полицейская сила и чиновники среднего и низшего административных звеньев, так как, «проживая с детства в постоянном общении с ближайшими соседями родных своих станиц и хуторов киргизами, хорошо знают киргизский быт и внутреннюю жизнь кочевников, а также прекрасно вла-

Мир своих и чужих: движение фронта

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 107

деют киргизской разговорной речью» и могут служить связующим элементом «между уездною администрациею и киргизским народом, узнавая при своей ловкости и знания языка и народной жизни затаенные намерения и стремления мусульманской среды».¹ С одной стороны, за казаками закрепилась репутация надежных агентов для непосредственного и постоянного наблюдения за кочевниками. С другой, как подчеркивал уже в эмиграции бывший директор Новочеркасского реального училища М.А. Горчуков: «"Голос крови", лежащий в основе всякого национализма, совершенно чужд казачеству: его понимание своего достоинства выше; оно утверждается на основах высшего порядка. Этим объясняется поразительная сила ассимиляции, претворяющей национальную пестроту в однородную казачью массу».² Именно казаки более всего напоминали людей американского «фронта», «срединной земли» (*middle ground*), где шел активный процесс взаимообмена культур и рождения новых идентичностей. Поэтому казачья тема в конце XIX — начале XX века оказалась активно включена в национальный и социальный дискурсы, которые были осложнены динамичными миграционными процессами. ✨

¹ РГВИА. Ф. 400.
Оп. 1. Д. 2952. Л. 137

² Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 125

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1895 г. ДЕКАБРЯ 30. – Отчет Семиреченского губернатора о населении, включая казачество, и хозяйственной деятельности в Семиреченской области // Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). М., 2000.
- Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость. (Из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начала XX вв.). Астана, 2000.
- Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.
- Бабков И.Ф. Общий взгляд на устройство русских поселений в северо-восточной части Киргизской степи // Известия ИРГО. – 1869.
- Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1.
- Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1.
- Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902.
- Деделов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008.
- Заметки о хозяйстве казаков Акмолинской области // Степной край – 1895. – 22 июня.
- Записка ГУЗиЗ «Об использовании для целей крестьянской колонизации земель, отведенных бывшим приамурским генерал-губернатором Духовским Амурскому и Уссурийским войскам» (7 янв. 1910 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 328–337.
- Записка об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левицкого) // ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587.
- Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762.
- История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2.
- Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985.
- Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.
- Казачьи войска Азиатской России в XVIII-начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сборник документов. / Сост. Н.Е. Бекмаханова. Отв. ред. В.В. Трепавлов. ИРИ РАН. М, 2000.
- Катаняев Г.Е. Хлебопашество в Бельгачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСО ИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 1–24.
- Костенко Ю. Уральское казачье войско. Исторический очерк и система отбывания воинской повинности // Военный сборник. – 1878. – № 10.
- Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. – 1878. – № 1. – С. 35–69.
- Крих А.А. Тюркский компонент в составе западносибирского казачества (первая половина XIX в.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск : 2005. С. 512–525.

Мир своих и чужих: движение фронта

- Кузьминых В. И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 32–39.
- ЛАРЮЭЛЬ М., ПЕЙРУЗ С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М., 2007.
- ЛЕДЕНЕВ Н. З. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908.
- МАХРОВА Т. К. Казачество Урала и власть. М., 2004.
- ОРЕНБУРГСКОЕ казачье войско // Военный сборник. – 1874. – № 6. – С. 277.
- ОСТАФЬЕВ В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. – Омск. – 1895. – Кн. 18. Вып. 1.
- ПОТАНИН Г. Н. Исследования и материалы. // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Алматы, 2006. Т. VII.
- ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Н. М.
О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299–300.
- Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М., 1947.
- РАДЛОВ В. В. Из Сибири: Страницы из дневника. М., 1989.
- РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 1. Д. 125.
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120.
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2952. Л. 137.
- РЕМНЕВ А. В., СУВОРОВА Н. Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47–74.
- РЫБАКОВСКИЙ Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.
- САНДЕРЛАНД В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199–227.
- СЕДЕЛЬНИКОВ А. Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край).
- СЕДЕЛЬНИКОВ А. Н., БУКЕЙХАНОВ А. Н., ЧАДОВ С. Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб. : 1903. Т. 18 (Киргизский край).
- СТАРИКОВ Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). СПб., 1884.
- УРАЛЕЦ. Почему обеднели казаки // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., [1911]. С. 211–212.
- ХОРОШКИН М. Забайкалье (Очерк) // Военный сборник. 1893. № 9.
- ЧИРКИН Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. б/г. С. 103.

